

²⁷ Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. С. 109.

²⁸ Słownik etnologiczny. Terminy ogólne. S. 105—106.

²⁹ Ibid. S. 111.

³⁰ Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины... С. 96.

³¹ Słownik etnologiczny. Terminy ogólne. S. 274.

© 1993 г., ЭО, № 1

М.-З. О. Османов. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990. 297 с.

Настоящая книга написана в лучших традициях отечественной этнографии. Вместе с тем ее сегодняшняя актуальность очевидна. В современных условиях, когда ломаются старые формы хозяйствования, с большим трудом складываются новые производственные формы и отношения в бывших регионах Союза, людям необходима твердая опора в их самостоятельных начинаниях. В связи с этим подобные работы обретают важнейшее не только научное, но и практическое значение, так как они написаны на базе анализа исторического опыта народа, хозяйство которого складывалось веками, отшлифовано временем и проверено невзгодами природы и бедами жизни. Знание исторического опыта народа, его традиций, системы приспособления к конкретным экологическим условиям сейчас обязательно при переходе к новым экономическим отношениям, к устройству современных форм хозяйствования. Эту мысль выдвигает М.-З. О. Османов во Введении, когда пишет, что «познание закономерностей этнокультурного развития в прошлом помогает осмыслению развития настоящего» (с. 3). Необходимо добавить, что без этого этапа невозможно и прогнозирование будущего развития, его путей, форм и механизмов осуществления социально-экономических программ.

Прежде всего хочется отметить фундаментальность источниковедческой базы исследования. Автор опирается на богатый опыт предшественников в изучении проблемы скотоводства в данном регионе, а его теоретические выводы основываются на широком изучении и сопоставлении разнообразных скотоводческих форм в других областях земли. Список использованных им работ превышает 500 единиц. Но главное в исследовании — это богатый полевой материал, собранный самим автором. Жаль, что во Введении не указаны годы и масштабы экспедиционной работы; такая датировка нужна.

Кроме этих источников автор анализирует важнейший архивный материал, значение которого для исторического изучения хозяйства скотоводов, а также проблем социального развития Дагестана во второй половине XIX в. невозможно переоценить.

Типология скотоводческого хозяйства и общества — давняя задача этнографии, и с нею неизбежно сталкивается любой исследователь скотоводческих народов. Автор книги глубоко анализирует и оценивает опыты в этой области. Разнообразие классификаций еще раз свидетельствует о многообразии форм скотоводческого хозяйства и образа жизни соответствующих народов, что на деле опровергает давно появившееся в литературе и встречающееся и поныне мнение о том, что со времен своего исторического возникновения скотоводство определилось как примитивная форма экономики и таковым остается и по сей день. Вся историографическая часть книги М.-З. О. Османова ясно показывает ошибочность подобного утверждения.

Представляется очень важным обращение автора к выработке системы критериев при разработке классификации форм скотоводства. Споры по этой проблеме, видимо, бесконечны. Отмечу сразу, что для выработки фундаментальных критериев прежде всего необходимо определение их таксономического уровня. Существует немало классификаций, построенных на разноуровневых критериях, которые сразу же рассыпаются при попытке их применения к другому народу или региону с аналогичными экологическими условиями. Получают право на существование как конкретные классификации (например, Ю. Мкртумяна, В. Шамиладзе), так и более общие, универсальные (С. И. Руденко, Г. Е. Маркова, С. И. Вайнштейна). Критерии последних систематизаций выбраны на основе более общих признаков и при непренном соблюдении субординации категориальных рядов (тип, форма, вид и прочее). Мне также пришлось иметь дело с этой проблемой при анализе материала по скотоводам Африки и предпринять попытку дать типологию универсального характера.

М.-З. О. Османов совершенно справедливо оценивает трудности этой проблемы, которые нередко заключаются в сочетании нескольких форм скотоводства у одного или группы народов, в разнообразии переходных форм, а главное — в великом многообразии природных условий жизни скотоводов, что порождает богатую вариативность форм скотоводства. Однако главным при разработке систематики мне представляется выявленная Г. Е. Марковым разница в репрезентативности принципов классификации скотоводческих форм. Принцип систематизации по технологии хозяйства слишком узок, так как при этом учитываются признаки, свойственные самым различным хозяйственно-культурным типам скотоводства. Принцип более репрезентативный — это типология не только хозяйства, но и общества в целом, т. е. учет основных способов добывания жизненных благ, уровня социального

развития, характера общественной организации и облика этносоциального организма, т. е. речь идет о «низшем» (технологическом) и «высшем» (социальном) уровнях классификации (с. 23). В связи с этим представляется вполне плодотворным избранный автором книги путь дальнейшей теоретической разработки типологии форм скотоводства на базе совокупности трех критериев: а) соотношение скотоводства с земледелием; б) место содержания скота; в) организация труда и быта скотоводов — и все это на основе выделения типов скотоводства (с. 23). Я разделяю положительную оценку М.-З. О. Османовым подхода Б. Х. Кармышевой и Г. Е. Маркова, утверждающих, что классификация скотоводства требует введения исходного понятия «тип скотоводства».

Весьма действенным представляется выделенный М.-З. О. Османовым критерий: система кормообеспечения. Однако этот критерий, вероятно, носит скорее локальный характер, так как, например, для скотоводов Африки в ряде регионов он будет определяться природной сезонностью (дожди, засуха, разлив рек), что, в свою очередь, устанавливает степень мобильности всего или части населения. Таким образом, этот критерий в плане его универсальности в системе типологии требует, как мне думается, дальнейшей разработки. Возможно, он будет действовать только на «низшем» уровне классификации. Впрочем, дальнейшее изучение это покажет.

Приступая к рассмотрению конкретных форм скотоводства в Дагестане, М.-З. О. Османов четко определил свою базовую позицию в вопросе о совокупности условий, влияющих на их сложение. Наиболее существенными являются природно-географические, затем исторические условия и традиции хозяйствования. Тут нет преувеличения географического фактора, ибо, как справедливо замечает автор книги, человек сложился в природе и тесно связан с ней всю свою жизнь (с. 25). Поэтому любая проблема, имеющая отношение к теме «хозяйство», требует ее рассмотрения в контексте природно-географической среды. Особо хочу отметить приверженность автора к теории хозяйственно-культурных типов (ХКТ), которую далеко еще не все этнографы у нас признают. А между тем с этим высоким таксономическим уровнем любого общества сталкиваются все исследователи при анализе как проблем хозяйственной деятельности, так и общественной культуры. В зарубежной науке нет категории ХКТ, однако там есть фундаментальное понятие: экономика рассматривается как результат установления соответствия между культурой и окружающей природой, что вполне соотносится с нашей категорией ХКТ. Совершенно очевидно, и в этом автор прав, что без этой большой исторической категории нам не определить закономерности формирования ведущих форм хозяйства, как и параметры образа жизни любого общества, оседлого или кочевого, земледельческого или скотоводческого. Категория ХКТ дает исследователю ключ к оценке среды, в которой человек находит источник средств существования; в соответствии с экологическими особенностями он также формирует конкретный вид своей жизнедеятельности.

Автор детально рассматривает природу Дагестана по зонам, отмечая главное — ее условия значительно менее благоприятны для ведения хозяйства по сравнению с другими районами Кавказа: равнины (выше 40% площади) в основном полупустынные, а горы отличает чрезмерная пересеченность, скалистость, труднодоступность и общая пониженная увлажненность. Однако сдвиг снеговой линии вверх дал ряд преимуществ в хозяйственной деятельности: это прежде всего большая вертикальная протяженность пастбищ и увеличение питательности растительного покрова за счет множества злаковых (с. 30). Отмечая многообразие природы Дагестана, автор констатирует, что оно определяет и многообразие форм хозяйственной деятельности, и развитие обменных и культурных связей в регионе и за его пределами (с. 35).

Автор считает, что одним из важнейших компонентов природных условий, влияющих на сложение форм скотоводства, являются кормовые угодья. Нет необходимости оспаривать это положение в отношении Дагестана. Однако рассуждения М.-З. О. Османова относительно систематики и сложения форм скотоводства представляются чересчур обобщенными. Значимость этого компонента вряд ли одинакова и для других регионов земли. Например, в ряде мест распространения скотоводческого хозяйства в Восточной Африке не кормовые угодья служат определяющими сложения форм скотоводства, а степень доступности водных ресурсов, сезонность распределения осадков, разлив рек или традиция перегона стад для сохранения участков травяного покрова на засушливое время года, островное содержание скота в период войн и пр. Таким образом, приоритетность тех или иных природных факторов всегда зависит от региональных условий, и это следует оговаривать, особенно при разработке закономерностей развития форм хозяйства и их систематики, на чем, собственно, не раз останавливается и сам автор книги.

Особо следует отметить успешно аргументированную автором идею об историческом отрыве населения равнины от горной части Дагестана, что привело к разветвлению ранее сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства и возникновению специфических для местных условий зональных форм земледельческо-скотоводческого хозяйства: сочетание выгонной, стойловой, яйлажной и хуторской, подъем террасного земледелия и стационарных форм скотоводства, продвижение земледелия в высокогорье. При этом автор делает верный вывод: единство развитого земледелия и скотоводства способствовало укреплению сельской общины, что обусловило подъем социальных отношений на новый уровень. Однако, насколько их можно определить как «раннефеодальные или патриархально-феодальные», — это остается, видимо, спорным, а приводимая автором в защиту этого положения аргументация (пастбищная рента) явно недостаточна, и требуется дальнейшая разработка проблемы (с. 48).

Достоинством исследования является его историчность. М.-З. О. Османов на большом материале показывает сложный процесс развития и изменения в формах скотоводства в ходе возрастания подвижности от равнины к высокогорью, что к XIX в. привело к завершению зональной хозяйственной специализации и становлению основных форм земледелия и скотоводства и сложившихся на их базе главных ХКТ.

Автору в большой мере присущ критический подход к историческим источникам, позволивший ему внести существенные поправки в общую картину занятий населения Дагестана в XIX в., которая была в свое время резко искажена некорректной переписью населения (1892 г.). В этом плане его новый вывод о неоднозначности характеристики внутреннего горного Дагестана — еще одно достижение данного исследования (с. 53). Метод автора рассматривать сложение форм скотоводства в постоянной корреляции с земледелием также приводит к большой результативности исследования. Ему хорошо удается показать, что зависимость развития скотоводства от соседних земледельческих местностей имеет закономерный характер и выявить вследствие этого ряд локальных особенностей (например, наибольшую плотность населения в высокогорье по сравнению с равниной).

В книге прекрасно описаны традиционные виды скота, области их распространения и преобладания отдельных видов. В этой части труда немало авторских находок, например положение о противоречивом отношении к лошади у скотоводов Дагестана: с одной стороны — огромное почитание, с другой — слабая распространенность и ограниченность использования (с. 78).

Обстоятельно исследованы стационарные формы местного скотоводства: стойловая (при этом изучены заготовка кормов, сенокосение, орудия сенозаготовки, сенокосные угодья — т. е. весь хозяйственный технологический комплекс), выгонная — вторая по степени стационарности и первая по распространенности форма скотоводства (детально рассмотрены организация выпаса стад, режим выпаса, распределение пастбищ и выгонов и в целом общинные отношения), хуторская форма, ее разновидности — выгонный хутор, пастбищный, яйлажный.

Не менее детально изучены подвижные формы скотоводства, причем, что мне особенно представляется ценным — в их историческом изменении (яйлажная, кышлажная в трех ее подвидах, долиново-отгонная, шалашная).

В своей работе М.-З. О. Османов логически следует от частного к общему. Начав систематику с видов скота, через формы скотоводства он подходит к обобщающему уровню типов скотоводческого хозяйства, а от природных и других условий формирования хозяйства — к хозяйственно-культурным типам. Нельзя не признать правомерность такого хода исследования. При этом автор обращает внимание читателя на то, что он не ограничивается при характеристике скотоводства, как нередко в аналогичных по проблематике работах, только комплексом технологических факторов, а берет в качестве точки отсчета «социальные суборганизмы на уровне сельских общин» (с. 209). Таким образом, предполагается, что в его систематике заложены не только естественные, технологические, но и социальные параметры. Определение типов скотоводства автор не случайно начинает с равнины, где преобладает крупный рогатый скот и практикуются стационарные формы его содержания. М.-З. О. Османов руководствуется объективными показателями: преобладающий вид скота, подчиненность его содержания интересам земледелия, шире представленного на равнине. Выгонная и стойловая формы содержания скота здесь главные; на их базе образуются типы скотоводческого хозяйства: выгонно-стойловый, выгонно-стойлово-шалашный и выгонно-стойлово-хуторской, причем последовательность расположения форм скотоводства, сгруппированных в тип, отражает убывание степени их распространения и значения в хозяйстве. По отношению к земледелию эти типы можно назвать подсобными. Два других типа — выгонно-стойлово-яйлажный и хуторско-яйлажно-выгонный, связанные с содержанием овец, автор определяет как «параллельные» с земледелием (с. 210).

Автор отмечает общность характера скотоводческого хозяйства в предгорье и на равнине, однако выделяет и зональные особенности хозяйства в предгорье: менее развиты хуторская и шалашная формы, более — яйлажная. Поэтому здесь вычлениются основные типы скотоводства: трансюманс, выгонно-стойлово-яйлажный, выгонно-стойлово-хуторской.

В горной зоне скотоводческое хозяйство более развито и многообразно, как считает автор книги. Особенностью здесь является трудность отгона стад на зимние равнинные пастбища, вследствие чего при наличии резерва местных угодий в таких районах распространились формы содержания скота на месте, в том числе и на хуторах. Эта форма в горной зоне превосходит по удельному весу все другие зоны.

Далее в книге приведены типы скотоводческого хозяйства нагорья, из которых 28 типов — хуторского содержания, 8 — выгонно-стойлового, 18 — трансюманс, кроме того, 11 типов — внутриальпийские.

Нельзя не заметить, что для создания общей типологии такое дробление обременительно. Кажется, что автор изменил своим обещаниям, увлекся изучением факторов технологии и оказался «в плену» у многочисленных и разнообразных форм содержания скота. Придется несколько вернуться назад и, может быть, даже повториться, поскольку эта проблема автором уже затрагивалась во Введении. Думается, что для выработки систематики нужны более фундаментальные и сопоставимые на разных уровнях признаки. Горный Дагестан наглядно показывает, что родов содержания и видов выпаса скота в соответствии с разнообразием условий может быть множество. Вместе с тем эти показатели — уровень технологии — самый низший уровень систематики. Если мы согласимся с этим, то «типология» М.-З. О. Османова выполнена замечательно именно на этом уровне. Однако он говорит об определении «типа» скотоводческого хозяйства. Мне представляется, что для этой задачи нужны более базовые показатели (признаки, критерии) характера скотоводческой деятельности и образа жизни населения. Самый высокий уровень систематики определяется местом скотоводческого общества в системе типов хозяйства. Неизбежен при этом учет степени подвижности населения, всего или его части, степень занятости земледелием, т. е. пропорция между основными отраслями хозяйства.

Можно было бы вполне согласиться с систематикой автора, если бы он ограничил себя типологией только хозяйства, но этого не получается, хотя бы уж потому, что он широко пользуется категорией «трансюманс», которая, как известно, характеризует определенный тип скотоводческого общества, и хозяйства, базовым признаком этой категории является частичная мобильность и оседлость, которые

могут быть присущи всему населению или его части, т. е. образ жизни. Таким образом, хочет того автор или нет, но он использует и социальную характеристику. Раз так, то этот принцип следует выдержать и по отношению к другим таксономическим уровням систематики. А получается, что в одном случае автор строит свою типологию по технологическим показателям (их, кстати, у него большинство), особенно это касается равнинного скотоводства, а в исследовании горной зоны использует еще и социальные показатели. Систематика нарушается. Хотелось бы, чтобы социальный признак был учтен на всех уровнях систематики, а не только в Заключении к книге.

Что касается комплекса технологических признаков, то здесь разработка проведена автором детальнейшим образом, и картина многообразия видов содержания скота дана в работе исчерпывающе.

Завершая рецензию книги М.-З. О. Османова, еще раз хочу отметить богатую историографию, достаточно полно использованную в работе, причем весьма корректно и с уважением автор отнесся к неоднозначным позициям своих коллег и предшественников. Нередко в книге обращение к работам по соседним регионам Кавказа, благодаря чему обнаруживается историко-культурная общность и различия изучаемых регионов. В частности, автор неоднократно ссылается на материалы по Азербайджану, находя существенные параллели своим данным. К сожалению, среди последних ссылок отсутствуют работы по аналогичным проблемам таких компетентных авторов, как Г. А. Гавилова и Г. Д. Джавадова, конкретные материалы и обобщения которых раскрывают немало интересного в культурно-исторических связях Кавказа в целом.

В заключение можно уверенно сказать, что наша наука обогатилась еще одним серьезным исследованием в области истории скотоводства. То, что эта работа интересна не только кавказоведам, но и широкому кругу ученых других специальностей, что она будит мысль, призывает поспорить с автором — я рассматриваю как большое ее достоинство. Эта книга — не просто детальное региональное исследование, а весьма перспективная база для более широких теоретических обобщений в области истории хозяйства, освоения человеком окружающей его природной и культурной среды.

К. П. Калиновская

Примечания

¹ См.: Калиновская К. П. Хозяйственный и общественный строй скотоводов Восточной Африки в XIX — начале XX в. // Автореф. докт. дис... ист. наук. М., 1989; *её же*. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М., 1989.

© 1993 г., ЭО, № 1

Н. Ф. Мокшин. Тайны мордовских имен (исторический ономастикон мордовского народа). Саранск, 1991. 109 с.

Рецензируемая книга известного советского этнографа, историка, специалиста по этнической ономастике, заслуженного работника культуры РСФСР, Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — первое в отечественной и мировой науке сочинение, в котором всесторонне рассматриваются различные аспекты корпуса мордовского ономастикона. Работа написана на основе широкого круга источников — полевых этнографических, фольклорных, ономастических, картографических данных, многие из которых собирались автором в экспедициях в течение более чем трех десятилетий; свидетельства архивов, летописей, разнообразной литературы. Несомненной научной заслугой Н. Ф. Мокшина является создание первого комплексного исследования мордовской ономастики (прежде всего, этнонимов, антропонимов, топонимов, теонимов). Через всю книгу красной нитью проходит мысль о древних культурных контактах и взаимовлияниях мордовского народа с его соседями.

Монография Н. Ф. Мокшина «Тайны мордовских имен» — важное звено в цепи актуальных ономастических исследований, проводящихся в Поволжье уже не одно десятилетие. Немалое значение для этих исследований имеют конференции по ономастике Поволжья, проходившие с 1967 г. по инициативе В. А. Никонова (1904—1988 гг.). В 1989 г. в Волгограде прошла VI конференция по ономастике Поволжья. Активное участие в работе этих научных форумов принимали и принимают ученые из Мордовии. В 1973 г. одна из Поволжских конференций была организована в Саранске. Вообще надо отметить, что в последние десятилетия в изучении мордовского ономастикона достигнуты немалые результаты. Существенный вклад в развитие ономастической науки в Мордовии внесли такие ученые, как Б. А. Серебренников, А. И. Попов, В. А. Никонов, Л. Л. Трубе, Т. П. Федянович, Н. Ф. Мокшин. Особо надо отметить труд И. К. Инжеватова «Топонимический словарь Мордовской АССР» (первое издание — в 1979 г., второе — в 1987 г.).

Исследования ономастики народов Поволжья вообще и мордовской ономастики в частности в наши дни, когда возрастает национальное самосознание народов нашей страны, активизируется интерес к своей истории, языку, культуре, традициям, приобретают особую значимость и актуальность.